

ЗЛАТА ХИТРОВА

ЗА КУЛИСАМИ ЛЖИ.
Любовь вопреки всему

Злата Хитрова

**За кулисами лжи.
Любовь вопреки всему**

«Автор»

2026

Хитрова З.

За кулисами лжи. Любовь вопреки всему / З. Хитрова —
«Автор», 2026

В мои сценические туфли подложили стекло. Я кричала от боли, а зрители аплодировали, уверенные, что перед ними гениальная актриса. Кирилл Волков, звезда академии, назвал меня истеричкой. Лишил стипендии. Превратил в прислугу. А потом украл мою пьесу и объявил её своим шедевром. Теперь моё имя исчезло с афиши, а любимый композитор Марк не верит мне. Но Кирилл совершил ошибку: оставил доказательства. У меня есть записи, оригинальные черновики и финал, которого никто не ждёт. На премьере он произнесёт мои слова перед всем залом. И даже не поймёт, что сам подписывает себе приговор. А я наконец выйду из тени. В свете театральных софитов.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злата Хитрова

За кулисами лжи. Любовь вопреки всему

Глава 1

Занавес ещё не поднялся, а мои ноги уже горели огнём.

Левую стопу я старалась держать на весу. Стоило опустить пятку, и под ней снова вонзалось что-то острое. Хорошо, что за кулисами темно: Кирилл пока смотрел на сцену, а не на то, как его партнерша мнет пальцами край юбки. Дипломный спектакль, полный зал, ректор в первом ряду. Мама купила мне эти туфли к выпускному курсу. Я ещё пообещала прислать фотографию с поклона. До поклона оставалось выйти, договорить монолог и позволить Кириллу красиво убить меня. Всего-то.

— Ася, ты готова? — Лера поправила кружевной воротник и глянула на мои ноги. На лице у неё не было ни капли удивления. Вчера она пролила клей в гримерке и велела не входить, пока сохнет пол. Туфли остались там на ночь. Утром я сунула их в пакет, даже не заглянув внутрь: новые, чего с ними случится? Теперь внутри торчало стекло или металл. Я почувствовала это у кулис, когда надела их и пошла к выходу. Если бы сейчас снять туфлю — Лера увидит. Потом остальные. Потом кто-нибудь объяснит мне, что за две минуты до монолога приличные актрисы не устраивают разборки с обувью.

— Готова, — ответила я, хотя голос дрогнул.

Виолончели потянули первую ноту. Мой выход. Я наступала почти на носки, считала шаги до метки на полу. Пять, ещё пять. На десятой ступила на левую ногу всей тяжестью и закусила щеку. Хотелось сесть прямо здесь, перед рампой, и вытряхнуть из туфель всё, что в них было. Вместо этого я нашла глазами метку. Текст. Сначала текст.

«Ты забрал у меня всё, кроме права дышать», — начала я. Последние слова дались с трудом, словно я действительно выпрашивала у Кирилла вдох. В первом ряду блеснули очки ректора. Я держалась за этот блик: смотреть на туфли нельзя. Если зал заметит кровь раньше, чем я договорю, спектакль кончится на мне.

По рисунку роли надо было отступить к Кириллу. Я отступила — и острое уперлось под большой палец правой ноги. Левую переставить не получалось. На секунду я повисла между двумя шагами, нелепо улыбаясь ему. Сейчас у героини крик. Я знала, какой: низкий, с надрывом, потом пауза на вдох. Мы неделю его искали. Вдохнуть для него я не успела.

И я закричала.

Из меня вылетел такой звук, что Кирилл дернулся. Ни заданной высоты, ни красивого надлома. Я сама услышала визг и испугалась: это мой голос? Боль ушла выше стоп, до самых коленей; я уже не могла отделить правую ногу от левой. Хотелось только, чтобы занавес наконец закрыл нас.

Тишина в зале длилась секунду. А потом... аплодисменты.

Кто-то крикнул «Гениально!». Во втором ряду поднялась женщина, за ней ещё двое. Они хлопали моим проколотым ногам. Я видела это и никак не могла соединить: здесь боль, там восторг, и между нами пять метров сцены. Кирилл стоял с поднятыми руками. По роли он должен был подхватить меня, прижать к себе в последнюю секунду. Не подхватил. Пришлось самой удержаться до конца.

Занавес упал. В темноте за кулисами меня затрясло.

У стены за кулисами я наконец перестала улыбаться. В туфле стало влажно. Хотелось сползти на пол, но Кирилл уже шел ко мне, быстро, не разбирая дороги. Так он не ходил в

роли даже во время ссоры: тогда помнил про свет и ракурс. Сейчас он наступил на край моего платья и не заметил.

Кирилл схватил меня за горло и прижал к стене. Я открыла рот, но вдох не прошёл. Уцепилась за его запястье обеими руками; он только сильнее вдавил большой палец под челюсть.

— Ты устроила цирк ради славы? — Он говорил мне прямо в лицо. За занавесом ещё хлопали, и на каждый новый хлопок он стискивал зубы. — Ты думаешь, если ты завопишь, как резаная курица, тебя заметят? Ты опозорила меня перед продюсерами своим дешевым трюком!

— Мне... больно, — просипела я, пытаюсь оттолкнуть его руку. — Там... в обуви...

Лера подошла сбоку, положила ладонь Кириллу на плечо. — Пиджак помнёшь. Он отпустил меня. Я закашлялась, пока она расправляла его лацкан, и прикусила губу: от кашля тоже больно.

— Кирилл, успокойся. Она просто нервничает. Знает, что играла ниже своего уровня. Ася, ты ведь понимаешь, что это было неприлично? Вызывать жалость публики через физическую истерику? Она закончила поправлять пиджак и повернулась ко мне. Теперь ждала ответа, как на зачёте, где оценка уже стоит в ведомости.

Я посмотрела на свои туфли. Из-под носка правой медленно сочилась темная капля. Кровь. Настоящая кровь.

— Это кровь, — сказала я тихо. — Кто-то подложил туда стекло.

Кирилл фыркнул, выпуская воздух сквозь зубы.

— Теперь ещё стекло? — Он отодвинул ботинок от капли. — Ты хоть слышала, что кричали в зале? «Гениально». Из-за твоего визга я доиграть не смог. А ты уже придумала себе оправдание. — Посмотри в туфлю. — Сама разбирайся. На сцену с такими фокусами больше не выходи.

Кирилл не посмотрел внутрь туфель. Лера тоже. Я стояла перед ними с кровью на носке, а они разговаривали о моём дешевом трюке. Сними туфлю, покажи, требовало что-то внутри. Но пальцы всё ещё помнили его хватку на шее, и я не могла заставить себя нагнуться. Мне было страшно снова оказаться ниже него. Я опустила глаза; Лера тут же выдохнула с удовлетворением, как после удачно сыгранной сцены.

До кабинета декана я добралась за десять минут. На каждом повороте искала, за что держаться, чтобы не переносить вес на ноги. В кабинете пахло лимонными корками; на блюде возле чашки действительно лежала свернутая кожа. Декан перебирал бумаги. Я смотрела на блюдо, ожидая, когда он разрешит сесть. Он не разрешил.

— Порча атмосферы мероприятия, — начал он, наконец глядя на меня поверх очков. — Ректор недоволен. Продюсеры тоже. Мы не можем держать в трупке человека, который устраивает балаган вместо работы.

— Я не устраивала...

— Тихо, Ася. Твои слова ничего не значат. Важны действия. Ты лишаешься стипендии. Полностью. И если хочешь остаться в академии, будешь отрабатывать ущерб. Физически.

Стипендия. Я сразу посчитала про себя: общежитие, еда, проезд. Получилась сумма, которой у меня не было. Маму просить нельзя — она уже потратилась на эти проклятые туфли. Декан говорил об атмосфере мероприятия, а я думала, на сколько дней хватит крупы в коробке под кроватью.

— Что я должна делать? Слово «делать» пришлось выдавить. Я придерживала ворот платья, чтобы декан увидел шею. Он перевернул очередной лист.

— Уборка гримерок, переноска реквизита, помощь преподавателям. Начнешь завтра. К восьми утра. Первым объектом будет гримерка Кирилла Волкова. Он лично попросил назначить тебе эту обязанность. Считай это искуплением вины перед ним.

В коридоре я шла вдоль стены. Навстречу попадались люди с нашего курса; раньше кто-нибудь обязательно спросил бы, как спектакль. Теперь двое замолчали, едва увидев меня. За

спиной хихикнули: «Кровавая Ася». Я держала голову прямо, пока хватало сил. В зеркале у лестницы уже отразилась сгорбленная девчонка. Не хотелось узнавать себя.

Глава 2

Наутро я встала в пять. Лежать было хуже: всё равно снова и снова вспоминался его палец у меня под челюстью. У киоска купила кофе, пересчитав мелочь дважды. Платье осталось одно чистое — серое, экзаменационное. Под ним колготки, сверху куртка, но ноябрьский ветер всё равно находил щель у горла. Я придерживала воротник, чтобы его край не тер синяки.

В восемь часов я стояла перед дверью гримерки Кирилла. Внутри слышался смех. Громкий, самодовольный. Я постучала. Тишина. Потом дверь приоткрылась, и я увидела Леру, которая пила шампанское из бокала. За её спиной Кирилл сидел на диване, листая сценарий.

— Кофе, — выговорила я и протянула стаканчик за край дверного косяка. Чем ближе он был к Кириллу, тем сильнее дрожал. Я подставила вторую ладонь под дно: пусть возьмет уже, пока я сама не облилась.

Кирилл не повернул головы.

— Опоздала на минуту. — Кирилл постучал пальцем по часам, даже не взглянув на циферблат.

— Пробка в коридоре, люди...

— В следующий раз приходи раньше. Он взял стаканчик, поднёс к губам. Я убрала руки, уже собиралась спросить про уборку. Кирилл сделал маленький глоток, поморщился и наклонил стакан над моим подолом. Я дернулась назад. Он вытянул руку вслед: кофе всё равно попал на платье и ботинки.

Жидкость потекла по ткани платья, пропитывая колготки и щипля кожу щиколоток. Кофе успел остыть, но был мерзким. Влажным и липким.

— В следующий раз будешь думать головой, а не ногами, — сказал он, возвращая пустой стаканчик мне. — И вытри это дерьмо. Мне нужно идти на прогон.

Лера засмеялась и поставила бокал, чтобы не расплескать шампанское. Я смотрела на сухую белую манжету у её запястья. Если бы толкнуть сейчас руку — у неё тоже было бы пятно. Но Лере бы принесли другое платье, а мне велели бы вытереть ещё и шампанское.

Пустой стаканчик остался у меня, и я почему-то не выбросила его. Как будто мы закончили обычное дело: принесла кофе, получила стакан. С его края капало на мои пальцы. Я считала капли, лишь бы не всхлипнуть. Лера ждала. От её ожидания было ещё хуже — плач уже приготовили мне как реплику, оставалось послушно произнести.

Я посмотрела на пятно кофе на своем единственном чистом платье. На лужу на полу. На равнодушное лицо Кирилла, снова углубившегося в чтение.

Стаканчик я поставила на край стола. В сумке нащупала ручку, потом блокнот с первыми пьесами. Лера всё ещё смотрела, так что скрыть запись не получится. Я повернулась немного боком и открыла чистую страницу. Раньше здесь появлялись имена героев. Сейчас мне нужно было записать настоящие, пока сама не начала верить их версии.

Написала дату. Время. 8:01. Подчеркнула имя: «Кирилл». И короткую запись: «Платье испорчено. Реакция зала: смех. Цель: сломать.»

На бумаге пятно кофе стало пунктом. Имя Кирилла — именем рядом с поступком. От этого легче не стало; меня трясло, и ручка цепляла лист. Но строку я всё-таки дописала. Пусть у них остаётся красивое слово «манипуляция». У меня будет время, платье, смех Леры. То, что произошло, а не то, как они велели мне это понимать.

Но я знала одну вещь, которую они забыли. Актеры лгут лучше всех. И я научусь лгать ещё лучше.

Я закрыла блокнот и сунула его обратно в сумку. Кирилл отложил сценарий. Пока я записывала, он успел повернуться ко мне всем корпусом. Теперь сидел, чуть подавшись вперёд, и смотрел на мой рот. Я стиснула губы. Ни «пожалуйста», ни «за что» он сегодня не услышит.

Я кивнула ему и вышла. Он так и не дождался просьбы. В коридоре стало можно дышать ртом: горло саднило, а мокрый подол бил по коленям. Я не знала ещё, как его остановить. Зато знала, что первая запись уже сделана. Стереть её одним своим смешком Кирилл не сможет.

Игра началась.

Четыре минуты на кофе. Кирилл показал четыре пальца в зеркале и назвал это «стандартом времени для божества». Кофемашина в коридоре не работала с начала семестра. Он знал, я знала, ремонтники тоже прекрасно знали — только я должна была решить эту проблему за четыре минуты. Я схватила кошелёк и побежала в буфет.

Обратно я неслась, стараясь не смотреть в стакан: если увижу, как плещется латте, обязательно пролью. На третьем повороте кроссовок зацепился за кабель. Я успела выставить свободную ладонь, но стакан смяла. Кофе обжег запястье. У столика первокурсник собирался налить себе чай. Я схватила его чистую кружку. — Верну, прости! — Эй! Ты чего?! Чайник остался у него в руке, кружка у меня. Перелив в неё остатки латте, я помчалась дальше. Три минуты пятьдесят секунд. Десять секунд до следующей причины унижить меня.

Когда я ставила кружку, латте выплеснулся на стол. Обожжённое запястье щипало; я прижала его к боку, чтобы Кирилл не увидел, как я трясую кистью. Он всё-таки заметил. Посмотрел на красную кожу, потом поднял кружку за ручку. — Уложились. Можешь, когда захочешь. Он сделал глоток. Я разжала пальцы, которыми до сих пор держала смятый стакан, и положила его рядом с пятном.

В этот момент дверь распахнулась. Лера вошла в сопровождении двух девчонок с факультета декораций, которые смотрели на нее как на икону. Она держала баллончик с пеной для укладки, и улыбка ее была такой же гладкой, как её прическа. — Ой, простите! — воскликнула она, «случайно» нажимая на клапан прямо на идеально отглаженный костюм-тройку, висевший на стойке. Пена хлюпнула, оставляя жирное белое пятно на черном шелке. — Ася, ты же тут уборщица, вот и исправляй, — бросила она небрежно, не глядя на меня. Девочки захихикали.

Я взяла тряпку, но к пятну не притронулась: на шелке пена только размажется. Пуговицы жилета были металлические. Я занялась ими, медленно поворачивая каждую между пальцами через ткань. Лера замолчала. Она устроила маленькое представление с испорченным костюмом и привела зрительниц, а я торчала возле стойки и делала какую-то скучную работу. — Ты пятно не видишь? — Вижу. Тереть нельзя. Кирилл наблюдал поверх кружки. Приказывать мне тереть он не стал; пусть это и не победа, но хотя бы ещё одну вещь я сейчас не испорчу по их команде.

— Труповый акт второй, — объявил он, откладывая кофе. — Надень это. Массовка сегодня ленится, а нам нужна достоверная гниль.

Мешок с «Утопленницей» стукнулся о живот. За ширмой я вытащила мокроватое на ощупь платье, которое давно следовало просушить. Пахло так, что я прижала нос к плечу. Роль я помнила по репетициям: маленькая, почти шепотом, и оттого в ней нельзя спрятаться за громкость. Когда массовка стала заходить в гримерку, я уже стояла у ширмы. Произнесла первую реплику, затем вторую. Один первокурсник остановился в дверях, второй наткнулся на него. Кирилл поднял глаза от текста. Мне понравилось, как резко он перестал листать. Две мои реплики отняли у него комнату, хотя бы ненадолго. Он усмехнулся, и я оборвала роль сама — не дождалась приказа.

На перерыве Марк протиснулся между выходящими первокурсниками. В руке бутылка воды. Я потянулась к ней: после двух реплик хотелось пить, а мокрый ворот уже лип к шее. Его пальцы коснулись моих. Марк задержал руку, посмотрел на ожог. — Что у тебя?.. Кирилл перехватил бутылку за горлышко. — Без тебя разберёмся, композитор. — Я воду принёс. — Вижу. У нас тоже есть. Он качнул бутылку перед Марком и повернулся ко мне. Я всё ещё держала ладонь раскрытой, будто воду могли вернуть.

Он открыл бутылку и жестом приказал мне следовать за собой. Мы прошли в туалет. Запах хлорки и ржавчины ударил в нос. Кирилл включил холодную воду, и из крана потекла вода с рыжим осадком. — Пей. Я потянулась к бутылке у него в руке. Кирилл убрал её за спину и подбородком указал на раковину. — Из крана. Раз уж так хочется.

Струя пахла железом. Я нагнулась и сделала несколько глотков, удерживаясь ладонями за раковину. За спиной Кирилл не двигался; внизу виднелись его ботинки. Он мог толкнуть меня лицом к крану, эта мысль не уходила. Когда я выпрямилась, вода стекала с подбородка на костюм «Утопленницы». В самый раз для роли. От этой нелепости мне удалось улыбнуться. Кирилл посмотрел на мокрый ворот и отвернулся. Я промолчала — объяснить ему свою улыбку значило бы отдать и её.

Час спустя ректор вызвал меня к первым рядам актового зала. Я ещё не отдышалась после переноски реквизита, а он уже спрашивал, почему меня не было к началу лекции. В первом ряду сидел Кирилл. Его мешок с бутафорскими черепами я только что отнесла за кулисы. — Почему вы опоздали, Ася? Лера повернулась на стуле; соседка заглянула поверх её плеча. Я раскрыла блокнот на сегодняшней странице. Если начать с «Кирилл заставил», ректор сразу перебьёт. Нужно успеть перечислить. — Я носила бутафорские черепа для вечерней постановки. Кирилл велел. Мешок за кулисами, можете проверить. До этого полировала пуговицы на его жилете: Лера залила костюм пеной. И пила из ржавого крана, пока Кирилл держал мою бутылку за спиной. — Достаточно, — начал ректор. Я вцепилась в обложку и договорила поверх его голоса: — Отрабатывать долг за порчу атмосферы мероприятия. Так мне сказал декан. Это отчет о преступлении, господин ректор. Преступление называется «система», а исполнители — те, кто стоит рядом.

Кирилл повернул голову к ректору. Я тоже ждала: сейчас он прикажет убрать блокнот, а я опять слушаюсь. Лера прижала пальцы ко рту; её соседка больше не тянулась посмотреть на меня. — Свободны, — сказал ректор после паузы. Я закрыла блокнот. Он уже смотрел мимо меня, на Кирилла, и того пришлось обойти, чтобы выбраться в проход. Кирилл поджал ноги. Сегодня хотя бы так.

Глава 3

На выходе меня остановила охрана. Мой рюкзак лег на стол перед постом. Лера стояла чуть поодаль, делая вид, что разговаривает с подругой, но её внимание было приковано к происходящему. — У вас есть право обыска? — спросила я спокойно. Охранник кивнул. Лера шагнула ближе, уверенная в своей победе. Искали брошь Кирилла — ту, что стоила месячной стипендии. Лера держала ладонь поверх рукава пальто. Я смотрела на её пальцы: слишком старательно она прикрывала складку. — Проверьте карманы Леры, — сказала я громко, на весь холл. — Я видела, как она «теряла» вещи раньше. Может, она сама их прячет, чтобы инсценировать кражу?

— При чём здесь я? — Лера отступила. Охранник посмотрел на её рукав. У меня за спиной кто-то протянул: «Ну покажи». Другой студент подхватил. Лера дёрнула руку, прижимая складку к боку, и брошь выпала на плитку. Мы все посмотрели вниз. Лера выставила носок туфли, будто ещё могла прикрыть ею металл. Я удерживала рюкзак на столе: в нём охранник так ничего и не нашёл. Из-за угла вышел Кирилл. Нагнулся прежде, чем охранник успел поднять брошь, и вложил её Лере в ладонь. Пальцы ей пришлось сомкнуть самой. — Недоразумение. Кто-то неудачно пошутил. Расходитесь.

Проходя мимо, Кирилл задел плечом ремень моего рюкзака. Я удержала его, чтобы снова не уронить. Он остановился на мгновение, посмотрел на меня — я на его руку, которая только что вернула Лере «украденную» брошь. Потом закинула рюкзак на плечо. За моей спиной студенты всё ещё переговаривались о том, откуда она выпала. Его «расходитесь» этого не отметило.

Уже стемнело, когда я вернулась за забытым в гримерке блокнотом. После броши хотелось поскорее уйти из академии. Теперь приходилось идти обратно — и смотреть на каждую приоткрытую дверь, ожидая Леру. В гримерке горел только свет из окна. Кирилл сидел в кресле; мой блокнот лежал перед ним. Я остановилась у порога, придержала дверь. Закрывать её за собой не хотелось. Он взял со стола мой карандаш. Я шагнула вперёд, но Кирилл уже сломал его пополам. Одна половинка скатилась к блокноту, другая осталась под его пальцами. — Ты думаешь, твоя тишина делает тебя сильнее? — спросил он тихо. Его голос был почти ласковым, и от этого стало хуже, чем от любого крика. — Нет. Она делает тебя удобной мишенью.

Графит раскрошился на столе. Кирилл ещё держал пальцы так, будто карандаш был целым. От хруста я всё-таки вздрогнула и рассердилась на себя: опять дала ему то, за чем он пришел. Стиснула край сумки. Посмотри, ещё раз подумала я. Ничего больше не будет. Он отвел руку от половинок, но не встал. Пришлось самой подойти к столу. Я ожидала, что он перехватит руку. Не перехватил. — Всё? — спросила я. Он не ответил. Я забрала блокнот и ту половинку, которая скатилась к нему. Блокнот убрала в сумку, карандаш оставила в руке. Застёгивать молнию возле Кирилла не стала — сделала это уже за дверью.

Из академии вышла с обломком карандаша в руке. Сломанный край царапал ладонь, и я переложила его тупым концом к пальцам. На холоде захотелось спрятать руку в карман, но там завибрировал телефон. Я достала его. На экране сообщение: «Он видел, как ты вывела Леру на чистую воду с брошью. Будь осторожна. — Марк»

Отправитель — Марк.

В техническом крыле на каждом повороте приходилось останавливаться: шаги отдавались так громко, что я сама путала их с чужими. На телефоне 02:14. Из общежития я выбралась, пока вахтёр смотрел телевизор. Теперь хотелось вернуться, забраться под одеяло и отправить Марку «не получилось». Но он ждал к утру голосовой черновик первого акта. В блокноте были все слова; без записи он не мог приступить к музыке. Студия на третьем этаже, до неё осталось одно лестничное окно и закрытая дверь.

На замке горела красная лампочка. Я помнила, как Лера набирала четыре цифры, — точнее, куда ложились её пальцы. Пока поднималась, повторяла движения большим пальцем по собственной ладони. У двери уверенность почему-то исчезла. Второй ряд? Или третий? Я всё-таки решилась попробовать.

Я набрала цифры. Пальцы скользили по холодному пластику. «Пик-пик-пик.» Красный. Ошибка. Я отвела палец от последней кнопки. Лера нажимала её точно здесь — или всё-таки ниже? Красная лампочка продолжала гореть. Если код сменили, можно до утра тыкать в эту дверь. Я попробовала снова. Дата рождения Кирилла. «Пик-пик-пик.» Красный.

В конце коридора послышались шаги. Не мягкие шлепки тапочек ночного сторожа, а уверенный, ритмичный стук кожаных подошв. Кто-то шел сюда. Если меня поймают здесь, в два часа ночи, у двери, которую я имею право открывать только под присмотром деканата... Меня выгонят быстрее, чем через неделю. Без права апелляции.

Шаги приближались. Я глянула на пожарную лестницу: из окна туда не спрыгнуть, слишком высоко. А рядом над перилами виднелось другое окно, техническое, с отогнутой сеткой. За ним — шахта прямо над студией. Влезть туда взрослому человеку нормальная идея в голову не придет. Я уже собиралась лезть. Если бы Марк видел, он сказал бы что-нибудь про мой упрямый лоб. Главное, чтобы видел не декан.

С перил удалось дотянуться до края окна. Футболка зацепилась за кирпич; я потянула сильнее и услышала, как рвется шов. В шахте можно было двигаться только на локтях. Телефон я зажала в ладони, боялась уронить: тогда останусь тут вместе со своими замечательными творческими планами. Пыль набивалась в нос. Чихнуть нельзя. Подо мной студия; там вполне может кто-нибудь сидеть. На следующем локте я остановилась, вытерла нос о рукав и поползла дальше.

Подо мной была решетка. Я уперлась в неё ладонями. Металл скрипнул, и я рухнула вниз, прямо на пушистый ковёр студии, ударившись спиной о стойку микрофона. Стойка ударилась о пол и зазвенела. Я втянула голову в плечи. Проползти полшахты, чтобы объявить о себе всему этажу, — блестяще, Ася.

— Черт! — выдохнула я, хватаясь за телефон, чтобы включить фонарик.

Фонарик ударил в лицо человеку у пульта. Я сначала увидела наушники в его руке, потом уже самого Кирилла. Лучше бы охрана. Охрана хотя бы спросит пропуск. На мониторе за ним шла звуковая дорожка. Он смотрел на меня, и я поспешно опустила телефон: теперь он видел меня ещё и снизу, с пола, в рваной футболке. Очень удачное начало разговора для человека, который пытался выбраться из роли уборщицы. — Кирилл... Имя вырвалось само. Он не ото-звался.

— Ты решила стать крысой? — его голос был тихим, бархатным и опасным. — Или это новый способ привлечь внимание? Потому что, Ася, метод «ползание по вентиляции» немного отдает дешевым порно.

Я уперлась ладонью в ковер, собираясь встать. Кирилл отложил наушники. Этого хватило, чтобы я осталась на месте: если двинусь к двери, он решит, что убегаю. Если останусь, тоже решит что-нибудь мерзкое. Я ощупала локоть — содран, но кровь уже почти не идет. Хотелось спрятать его за спину. Именно поэтому я оставила руку на колене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.